



Научно-исследовательская статья

УДК 124.3

DOI: 10.24412/2078-9238-2026-157-115-128

## ИНДИВИД В КОНТЕКСТЕ УСПЕХОЦЕНТРИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТНЫХ КООРДИНАТ СОВРЕМЕННОСТИ

Елена Константиновна Нетцель

Московский политехнический университет,

Москва, Россия,

elen2285@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-9566-0068>

**Аннотация.** В статье подробно рассматриваются исторические и культурные представления о понятии «успех», его эволюция от Античности до современности, включая педагогические подходы и ценности, формирующие современное восприятие успеха как личной реализации, достижений и гармонии. Статья анализирует гуманистический подход к формированию мотивации и успеха в образовании и социальной сфере, подчеркивая важность индивидуальных потребностей, эмоциональной поддержки и субъективных ценностей в процессе личностного развития. Современная культура успеха, основанная на индивидуализме и позитивном мышлении, является результатом культурных и экономических трансформаций XX в. Ее амбивалентность и критика обусловлены внутренними противоречиями и социальным неравенством, историческими и культурными корнями, включающими как идеалы добродетели и совершенствования общества, так и критические оценки чрезмерных амбиций, что способствует расширению ее интерпретаций и формированию различных моделей оценки, отражающих сложное взаимодействие внутреннего стремления к признанию и внешних социальных критериев, а также влияет на развитие культурных и философских представлений о статусе, признании и ценности индивида в историческом контексте.

**Ключевые слова:** успех, успешность, арете, успехоцентричность, мотивированность, успешный успех, достигаторство

**Для цитирования:** Нетцель Е. К. Индивид в контексте успехоцентрической системы ценностных координат современности // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2026. № 1 (57). С. 115–128. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2026-157-115-128>

© Нетцель Е. К., 2026

Scientific research article

UDC 124.3

DOI: 10.24412/2078-9238-2026-157-115-128

## THE INDIVIDUAL IN THE CONTEXT OF THE SUCCESS-ORIENTED SYSTEM OF VALUE COORDINATES OF MODERNITY

Elena K. Netssel

Moscow Polytechnic University,

Moscow, Russia,

elen2285@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-9566-0068>

**Abstract.** The article provides a detailed examination of historical and cultural representations of the concept of “success”, tracing its evolution from antiquity to the present day, including pedagogical approaches and values that shape contemporary perceptions of success as personal fulfillment, achievement, and harmony. It analyzes a humanistic approach to the formation of motivation and success in education and society, emphasizing the importance of individual needs, emotional support, and subjective values in the process of personal development. The modern culture of success, based on individualism and positive thinking, is a product of cultural and economic transformations of the 20th century; however, its ambivalence and critiques are driven by internal contradictions and social inequalities. Contemporary understanding of success is ambivalent, rooted in historical and cultural origins that encompass both ideals of virtue and societal improvement, as well as critical assessments of excessive ambitions. This diversity fosters a broadening of interpretations and the development of various evaluative models, reflecting the complex interplay between internal aspirations for recognition and external social criteria. Additionally, it influences the development of cultural and philosophical ideas concerning status, recognition, and the value of the individual within a historical context.

**Keywords:** success, successfulness, arête, success-centrism, successful success, achievement orientation

**For citation:** Netssel, E. K. (2026). The individual in the context of the success-oriented system of value coordinates of modernity. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, (1 (57)), 115–128. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2026-157-115-128>

### Введение

В культурном пространстве современности успех все чаще выступает не просто как желаемый результат деятельности, но как нормативная установка, определяющая допустимые формы самореализации субъекта. Успешность начинает рассматриваться в качестве универсального критерия социальной состоятельности, тогда как отсутствие выраженных достижений интерпретируется как личная неудача, требующая психологической или поведенческой коррекции.

Подобная трансформация статуса успеха сопровождается его активным внедрением в образовательные, профессиональные и медийные практики. При этом философская рефлексия данного феномена нередко уступает место психологическим и менеджеральным интерпретациям, в рамках которых успех редуцируется к показателям эффективности, мотивации и продуктивности. В результате успех утрачивает аксиологическую и этическую глубину, превращаясь в формальный индикатор адаптированности субъекта к требованиям социальной среды [Роджерс, 2018, с. 216].

Особую проблематичность данная ситуация приобретает в контексте отечественной философской традиции, для которой характерно иное понимание субъекта и целей его развития. В то время как западная социальная философия оперирует преимущественно категорией индивида — автономного носителя интересов и потребностей, — русская мысль традиционно обращается к понятию личности, предполагающему включенность человека в пространство культуры, ответственности и нравственного выбора [Выготский, 1983, с. 7–9].

Именно это различие становится принципиальным для анализа феномена успеха. Успех индивида может быть описан в терминах результата и эффективности; успех личности неизбежно требует ценностного и этического обоснования. Игнорирование данного различия приводит к методологической неясности и подмене философского анализа социологическим или психологическим описанием.

Цель настоящего исследования заключается в философском осмыслении успеха как ценностной категории современности с учетом его культурно-исторической обусловленности и различия индивидуалистической и личностно ориентированной моделей достижения.

Для реализации поставленной цели предполагается:

- рассмотреть успех в качестве аксиологической категории;
- выявить антропологические основания различных моделей успеха;
- проследить историческую изменчивость представлений об успехе;
- проанализировать специфику отечественного философско-педагогического подхода к проблеме успешности.

Методологическую основу работы составляют сравнительно-исторический, философско-антропологический и аксиологический подходы, а также элементы герменевтического анализа философских и культурных текстов.

## **Успех как философско-аксиологическая проблема**

### **Успех и структура ценностного суждения**

В философском смысле успех не может быть отнесен к числу первичных ценностей или благ. Он не существует автономно и всегда выступает как результат оценочного суждения, связывающего усилие субъекта, достигнутый

результат и социальное признание. Иными словами, успех — это не вещь и не состояние, а форма интерпретации человеческой деятельности в рамках определенной системы координат [Роджерс, 2018, с. 215].

В отличие от блага, которое может мыслиться как универсальное или трансцендентное, успех принципиально реляционен. Он всегда зависит от норм, ожиданий и представлений, господствующих в конкретной культуре. Именно поэтому попытки универсализировать понятие успеха приводят к утрате его философской определенности.

Современные интерпретации успеха, как правило, тяготеют к его количественному измерению: уровню дохода, профессиональному статусу, публичной узнаваемости. Подобная редукция отражает доминирование инструментального типа рациональности, при котором ценность результата определяется его полезностью, а не смысловым содержанием [Миронов, Саенко, 2025, с. 269–270].

### Различие успеха и достижения

Необходимо различать понятия достижения и успеха, которые в повседневном дискурсе часто используются как синонимы. Достижение фиксирует факт выполнения определенного действия или получения результата, тогда как успех предполагает социальную и ценностную легитимацию этого результата. Таким образом, достижение может остаться незамеченным или непризнанным, тогда как успех невозможен без символического подтверждения. Это обстоятельство делает успех особенно чувствительным к социальным и культурным трансформациям, а также к изменениям в системе ценностей общества [Эльконин, 1998, с. 38–39].

### Индивид и личность: два основания понимания успеха

Ключевым методологическим моментом является различие между индивидуалистической и личностной моделями субъекта. В первой успех мыслится как результат автономного выбора и личных усилий индивида, ответственность за который полностью возлагается на самого субъекта. Социальные условия в данном случае либо игнорируются, либо рассматриваются как нейтральный фон. Личностная модель, напротив, исходит из признания культурной и нравственной обусловленности человеческого существования. Личность не просто достигает результата, но соотносит его с представлениями о должном, справедливом и общественно значимом. В этом контексте успех утрачивает статус безусловного блага и подлежит этической оценке [Выготский, 1983, с. 318–319].

Именно данное различие позволяет выявить внутренние противоречия современной успехоцентричной культуры, в которой доминирует индивидуалистическая логика достижения, вступающая в конфликт с традиционными представлениями о ценности личности.

## Историко-культурные основания формирования представлений об успехе

### Античная модель: добродетель как предел достижения

Античная философия не располагает понятием успеха в его современном значении. Отсутствие данной категории не является понятийным дефицитом, но отражает принципиально иную аксиологическую структуру культуры. Центральным понятием, определяющим ценность человеческой деятельности, выступает *арете* — добродетель, понимаемая как реализованное совершенство способности [Гиюева, 2017, с. 11–14].

Достижение в античном контексте не мыслится как индивидуальный результат, подлежащий автономной оценке. Оно включено в систему общественных и нравственных координат полиса. Победа в состязании, воинская слава или политическое признание имели значение постольку, поскольку свидетельствовали о соответствии человека идеалу гражданина. Таким образом, достижение не отделялось от этического основания.

Особого внимания заслуживает феномен агона — состязательности, пронизывающей различные сферы античной культуры. Вопреки современному восприятию, агон не ориентирован исключительно на победу. Он предполагает риск, усилие и возможность поражения, не уничтожающего достоинство участника. Более того, философская рефлексия уже в классический период фиксирует опасность подмены добродетели стремлением к победе любой ценой. Платон в ряде диалогов подвергает критике софистическую установку на формальный успех в споре, не соотносимый с истиной и благом [Роджерс, 2018, с. 113–115].

Таким образом, античная модель задает фундаментальный тезис: *достижение, лишённое нравственного содержания, не может быть признано ценностью*. Этот тезис будет многократно переосмысляться, но никогда полностью не исчезнет из философского дискурса.

### Средневековая традиция: служение и иерархия ценностей

Средневековая культура формирует принципиально иную модель оценки человеческой деятельности, подчиненную теоцентрической картине мира. В условиях жесткой сословной иерархии достижение не имеет универсального значения и определяется через исполнение предписанной роли. Иными словами, успех как индивидуальный проект здесь невозможен.

Для рыцаря ценностью выступает честь и верность, для крестьянина — труд и смирение, для горожанина — добросовестность и умеренность. Материальные результаты допускаются, но не рассматриваются как самоценные. Они получают оправдание лишь как следствие служения — Богу, сюзерену, общине<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Картавцев В. Лучший селф-хелп для наших времен: о «Бредовой работе» Дэвида Гребера // Вещание красного коня. URL: <https://vk.com/@vekrako-luchshii-self-help-dlya-nashih-vremen-o-bredovoi-rabote-devi> (дата обращения: 29.10.2025).

Категория чести выполняет в средневековой культуре функцию нравственного фильтра достижений. Честь не сводится к репутации или общественному признанию; она предполагает соответствие внутреннего намерения и внешнего действия. Потеря чести делает любые достижения лишёнными смысла, независимо от их внешнего масштаба.

Важно отметить, что именно в средневековой традиции окончательно закрепляется идея нравственного предела достижения. Успех, не соотносённый с высшим смыслом, интерпретируется как форма гордыни и духовного заблуждения. Эта установка окажет существенное влияние на последующую русскую философскую мысль.

### **Новое время: секуляризация и рационализация достижения**

Переход к Новому времени сопровождается радикальным изменением ценностных ориентиров. Секуляризация культуры и становление рационалистического мировоззрения приводят к смещению акцента со служения на результат, с нравственного совершенствования — на эффективность действия.

Развитие капиталистических отношений формирует новый тип субъекта — экономически рационального индивида, ориентированного на достижение измеримого результата. Успех начинает рассматриваться как показатель правильности жизненной стратегии и личной состоятельности. Материальное благополучие все чаще интерпретируется как свидетельство трудолюбия, рациональности и добродетели [Яцино, 2012, с. 19–30].

Однако уже на этом этапе обнаруживается внутреннее противоречие новой модели. С одной стороны, успех провозглашается результатом личных усилий, с другой — он используется как основание моральной и социальной иерархии. Неуспех начинает трактоваться как личная вина, а структурные ограничения выводятся за пределы анализа.

Таким образом, в Новое время формируются предпосылки успехоцентричной логики, в которой достижение утрачивает связь с этическим содержанием и приобретает статус универсального нормативного ориентира.

### **Конфуцианская перспектива: успех как гармония и мера**

Обращение к древнекитайской философской традиции позволяет выявить принципиально альтернативную модель понимания успеха. В конфуцианстве достижение не мыслится как индивидуальное превосходство или результат конкуренции. Центральным становится идеал гармонии между личным совершенствованием и социальной ответственностью.

Конфуций связывает подлинную ценность человеческой деятельности с процессом самовоспитания и соблюдением ритуального порядка. Успех

правителя измеряется не масштабом его личных достижений, а устойчивостью социального порядка и благополучием народа [Яцино, 2012, с. 30].

В отличие от западной модели, конфуцианская традиция не абсолютизирует результат. Напротив, чрезмерное стремление к достижениям рассматривается как нарушение меры и источник социальной дестабилизации. Тем самым успех получает статус этически ограниченного состояния, а не универсальной цели.

## **Успехоцентричная культура модерна и ее внутренние противоречия**

### **Индивидуализация и смещение ответственности**

Одной из ключевых предпосылок формирования успехоцентричной культуры является радикальная индивидуализация социального опыта, характерная для общества модерна и позднего модерна. Освобождение субъекта от традиционных форм принадлежности — сословных, религиозных, корпоративных — расширяет пространство индивидуального выбора, но одновременно возлагает на человека полную ответственность за результаты собственной жизни.

В этих условиях успех начинает функционировать как универсальный маркер социальной состоятельности. Биография субъекта интерпретируется как продукт его личных решений, тогда как социальные и экономические ограничения оказываются вытесненными на периферию анализа. Индивид мыслится как «предприниматель самого себя», а жизненный путь — как проект, подлежащий оптимизации.

Подобная логика формирует иллюзию равенства возможностей, в рамках которой успех представляется достижимым для каждого. Неуспех, напротив, получает статус личной ошибки — недостатка усилий, неверной мотивации или неправильного выбора стратегии. Таким образом, успехоцентризм становится не просто ценностной ориентацией, но и механизмом символического перераспределения ответственности.

### **Психология достижения и нормализация успеха**

Значительную роль в институционализации успеха сыграли психологические теории мотивации достижения, сформировавшиеся во второй половине XX в. Работы Д. Макклелланда и Дж. Аткинсона способствовали утверждению представления о стремлении к успеху как об универсальной характеристике «нормального» субъекта.

В рамках данных подходов успех рассматривается как позитивный стимул, обеспечивающий развитие личности и повышение продуктивности. Однако философский анализ выявляет методологическую ограниченность подобной

трактовки. Успех здесь выступает как безусловное благо, а его отсутствие — как отклонение, требующее коррекции.

Психологизация успеха приводит к его деполитизации: социальные противоречия интерпретируются в терминах индивидуальных состояний — тревожности, неуверенности, недостаточной мотивации. В результате успех утрачивает статус философской проблемы и превращается в нормативный императив, встроженный в практики саморегуляции субъекта.

### **Амбивалентность успеха: тревожность и страх достижения**

Парадоксальным следствием успехоцентричной культуры становится рост феноменов тревожности, эмоционального выгорания и перфекционизма. Успех, заявленный как источник удовлетворения и самореализации, все чаще переживается как нестабильное и ускользящее состояние, требующее постоянного подтверждения.

Феномен страха успеха, описанный в работе Р. Фарландер, указывает на внутреннее противоречие данной модели [Fahrlander R., 1976]. Успех предполагает не только достижение, но и необходимость соответствовать возросшим ожиданиям, что делает его источником стресса. Особенно показательны гендерные аспекты данного феномена, связанные с конфликтом между социальными ролями и нормативными ожиданиями.

Перфекционизм в этом контексте выступает как адаптивная, но деструктивная стратегия. Стремление к постоянному соответствию высоким стандартам приводит к истощению ресурсов личности и утрате способности к рефлексии. Успех теряет связь с внутренним смыслом и начинает функционировать как форма социального принуждения.

### **Критика успехоцентризма в социальной философии и культуре**

Критика успехоцентричной модели развивается как в академическом дискурсе, так и в пространстве массовой культуры. Социологи и философы указывают на символический характер многих показателей успеха, не отражающих реальной социальной полезности или личной удовлетворенности.

Особую форму критики представляет ироническое осмысление успеха в русскоязычном культурном пространстве. Выражение «успешный успех» фиксирует разрыв между внешними маркерами достижений и внутренней пустотой, сопровождающей их. Ирония в данном случае выполняет функцию философской интуиции, указывая на необходимость смыслового наполнения стремления к достижениям.

Современные исследования также подчеркивают связь успехоцентризма с ростом самооценочной тревожности, особенно в образовательной среде.

Как показывает С. Ю. Тарасова, ожидание постоянных успехов формирует невротический перфекционизм и усиливает страх несоответствия [Тарасова, 2023].

Таким образом, успехоцентричная культура обнаруживает свою принципиальную амбивалентность: успех одновременно выступает и как цель, и как источник внутреннего конфликта. Это обстоятельство требует обращения к альтернативным моделям осмысления успеха, ориентированным не на нормативное достижение, а на развитие личности.

## **Отечественная философско-педагогическая традиция: личностная альтернатива успехоцентризму**

### **Личность как антропологическое и ценностное основание образования**

В отечественной философии образования исходной категорией является не индивид, а личность. Это различие имеет не терминологический, а принципиально методологический характер. Индивид мыслится как автономная единица, ориентированная на присвоение благ и достижение целей; личность же понимается как субъект культуры, формирующийся в пространстве ценностей, ответственности и смысла [Выготский, 1983, с. 202].

Соответственно, образовательный процесс в отечественной традиции не может быть редуцирован к подготовке успешных субъектов, адаптированных к требованиям социальной конкуренции. Его цель — развитие личности, способной к самоопределению, внутренней рефлексии и нравственному выбору. Успех в этом контексте не отрицается, но лишается статуса самоцели и нормативного ориентира.

Данная установка резко контрастирует с успехоцентричной моделью, в рамках которой образование все чаще подчиняется логике рейтингов, показателей и измеримых результатов. В отечественной философско-педагогической традиции подобная логика рассматривается как методологически ограниченная и этически рискованная.

### **Л. С. Выготский: развитие как преодоление, а не результат**

Фундаментальным основанием личностно-ориентированного подхода в отечественной педагогике является концепция зоны ближайшего развития, разработанная Л. С. Выготским. В отличие от моделей, фиксирующих достигнутый результат, Выготский акцентирует внимание на процессе становления и потенциальных возможностях личности [Выготский, 1983, с. 348–351].

Согласно данной концепции, образовательный успех не может быть адекватно оценен через совокупность текущих достижений. Подлинное развитие

обнаруживается в способности субъекта выходить за пределы уже усвоенного, осваивая новые формы деятельности. Таким образом, успех перестает быть внешним показателем и приобретает характер внутреннего переживания преодоления.

Выготский подчеркивает роль взрослого как посредника, создающего условия для самостоятельного продвижения ребенка. Это принципиально отличает отечественную модель от успехоцентричной логики, в которой педагог выступает в роли оценщика и контролера результата. Здесь успех служит средством поддержки развития, а не инструментом социального сравнения.

### **Д. Б. Эльконин и критика ранжирования успешности**

Концепция развивающего обучения, разработанная Д. Б. Элькониним, углубляет идеи Выготского и направлена на формирование активной позиции обучающегося. Центральным в данной модели становится не усвоение результата, а овладение способами действия и мышления.

Эльконин последовательно критикует практику ранжирования учащихся по уровню успешности. Сравнение с другими разрушает внутреннюю мотивацию и подменяет познавательный интерес стремлением к внешнему одобрению. В этом смысле успехоцентризм выступает как фактор деформации образовательного процесса.

Успех в логике развивающего обучения определяется способностью субъекта самостоятельно ставить задачи, рефлексировать собственные действия и осваивать новые уровни сложности. Такой успех не поддается прямому количественному измерению и не может быть встроен в рейтинговую систему без утраты смысла.

### **Гуманистическая педагогика: ситуация успеха как условие развития**

Дальнейшее развитие личностно ориентированного подхода происходит в рамках гуманистической педагогики, представленной в трудах В. А. Сухомлинского [Сухомлинский, 1988], Ш. А. Амонашвили [Амонашвили, 1990], И. С. Якиманской [Якиманская, 1996], которые вводят понятие «ситуация успеха», однако его содержание принципиально отличается от успехоцентричной трактовки.

Речь идет не о культивировании постоянного достижения, а о создании психологических условий, в которых ребенок переживает собственную способность к преодолению трудностей. Успех выполняет поддерживающую функцию, формируя уверенность в своих силах и готовность к дальнейшему развитию.

Гуманистическая педагогика категорически отвергает использование успеха как средства давления или стигматизации. Ошибка и неудача рассматриваются как естественные элементы образовательного процесса, а не как свидетельство личной несостоятельности.

## Этика педагогического успеха

Отечественная педагогическая традиция формирует особую этику успеха, в рамках которой достижение подчинено ценностям развития, сотрудничества и ответственности. Успех не может быть достигнут за счет другого и не должен становиться инструментом исключения или социальной сегрегации. В этом контексте успехоцентричная модель, ориентированная на конкуренцию и постоянное сравнение, вступает в противоречие с личностной логикой образования. Успех утрачивает характер нормативного императива и возвращается в пространство этической рефлексии.

## Российский культурный контекст успеха и проблема заимствования западных моделей

### Успех в системе ценностей российской культуры

В российской культурной традиции понятие успеха никогда не занимало безусловно центрального положения. В отличие от западноевропейской модели, где успех постепенно оформляется как универсальный критерий социальной состоятельности, отечественное сознание исторически ориентировано на иные ценностные основания — справедливость, служение, правду, совесть.

Даже в периоды модернизации и активного заимствования западных образцов успех в российском контексте сохранял двойственный статус. С одной стороны, достижения в науке, военном деле, культуре или государственном управлении получали общественное признание; с другой — демонстративный личный успех, не подкрепленный служением общему делу, вызывал настороженность и моральное сомнение.

Русская философская мысль последовательно фиксирует это напряжение. В работах религиозных философов конца XIX – начала XX в. подчеркивается опасность подмены внутреннего духовного роста внешними достижениями. Успех, не соотношенный с нравственным содержанием, интерпретируется как форма самообмана или утраты подлинного смысла человеческого существования.

## Этика оправдания результата

Ключевой особенностью российского понимания успеха является требование его этического оправдания. В отличие от индивидуалистической модели, где результат сам по себе служит достаточным основанием для признания достижения, отечественная традиция вводит дополнительный уровень оценки — соответствие результата нравственным и социальным последствиям.

Достижение может быть признано успешным лишь в том случае, если оно не разрушает целостность личности и не противоречит представлениям о должном. Именно поэтому в массовом сознании сохраняется различие между успехом и удачей, между внешним благополучием и внутренней состоятельностью.

Это обстоятельство позволяет объяснить устойчивую критику феноменов достижательства и успехоцентризма в современной российской культуре. Ироническое употребление выражений вроде «успешный успех» фиксирует не столько отрицание достижения как такового, сколько неприятие его пустой, нерелексивной формы.

### Проблема заимствования и культурная адаптация

Заимствование западных моделей успеха в российском контексте сталкивается с фундаментальными культурными ограничениями. Индивидуалистическая логика достижения, ориентированная на конкуренцию и постоянное самопревосхождение, вступает в противоречие с личностно ориентированной традицией, в которой приоритет отдается смыслу, ответственности и развитию.

Механическое перенесение успехоцентричных установок в образовательную и социальную практику приводит к ряду негативных эффектов: росту тревожности, деформации мотивации, подмене развития результатом. В этом смысле отказ от безусловного заимствования западных моделей не является проявлением изоляционизма, а выступает формой культурной рефлексии и философской самозащиты.

Философский анализ позволяет утверждать, что проблема успеха в российском контексте требует не отказа от достижения, а его переосмысления в рамках собственной культурной и этической традиции.

### Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать ряд обобщающих выводов.

Во-первых, успех не является универсальной и надкультурной ценностью. Его содержание и нормативный статус формируются в конкретных исторических и культурных условиях. Историко-философская перспектива показывает, что в большинстве традиций достижение подчинено этическим и социальным ограничениям.

Во-вторых, современная успехоцентричная модель представляет собой продукт культуры модерна и позднего модерна, связанный с процессами индивидуализации, рационализации и психологизации человеческой деятельности. В рамках данной модели успех приобретает статус нормативного императива, а неуспех — личной вины субъекта.

В-третьих, принципиальным для философского анализа является различие между категориями «индивид» и «личность». Индивидуалистическая модель успеха ориентирована на результат и присвоение благ; личностная модель предполагает соотносительность достижения с ценностями, ответственностью и смыслом.

В-четвертых, отечественная философско-педагогическая традиция предлагает альтернативу успехоцентризму, основанную на приоритете развития над результатом, формировании устойчивой внутренней мотивации и отказе от нормативного давления успеха. Концепции Л. С. Выготского, Д. Б. Эльконина и представителей гуманистической педагогики демонстрируют возможность осмысления успеха как условия развития личности, а не его цели.

В-пятых, российский культурный контекст задает особую этику успеха, требующую его нравственного оправдания. Механическое заимствование западных моделей без философской адаптации приводит к аксиологическим конфликтам и утрате смыслов в образовательной и социальной практике.

Таким образом, философская рефлексия успеха как ценностной категории современности позволяет не только критически осмыслить феномен успехоцентризма, но и выявить потенциал личностно ориентированных моделей, способных сохранить культурную специфику и гуманистические основания образования и социальной жизни.

#### Список источников

1. Роджерс К. Становление личности. Взгляд на психотерапию. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2018. 241 с.
2. Выготский Л. С. Собр. соч.: в 6 т. / под ред А. М. Матюшкина. М.: Педагогика, 1983. Т. 3. Проблемы развития психики. 368 с.
3. Миронов А. А., Саенко Н. Р. Образ антигероя в современной культуре как реакция на общество безграничного достижительства // Современная философия успеха: материалы II Международного круглого стола (Москва, 16 декабря 2024 г.). М.: Московский Политех, 2025. С. 265–274.
4. Эльконин Д. Б. Развитие устной и письменной речи учащихся. М.: Интор, 1998. 112 с.
5. Гиоева Е. П. Представления об успехе классиков гуманистической психологии // *Gaudeamus*. 2017. Т. 1. № 2. С. 11–14.
6. Яцино М. Культура индивидуализма. Харьков: Гуманитарный центр, 2012. 280 с.
7. Fahrlander R. The relationship between attitudes toward women and the motive to avoid success: student work. Omaha: University of Nebraska at Omaha, 1976. 73 p. URL: <https://digitalcommons.unomaha.edu/studentwork/63> (дата обращения: 29.10.2023).
8. Тарасова С. Ю. Человек успешный? // Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT). 2023. № 1 (2). С. 45–67. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1\(2\)-45-67](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1(2)-45-67)
9. Сухомлинский В. А. Сердце отдаю детям. Киев: Радянська школа, 1988. 288 с.
10. Амонашвили Ш. А. Личностно-гуманная основа педагогического процесса. Минск: Университетское, 1990. 559 с.

11. Якиманская И. С. Личностно-ориентированное обучение в современной школе. М.: Сентябрь, 1996. 96 с.

### References

1. Rogers, C. (2018). *The becoming of a person. a view on psychotherapy*. Institute of General Humanitarian Studies. (In Russian).
2. Vygotsky, L. S. (1983). *Collected works in 6 vols.* (A. M. Matyushkin, Ed.; vol. 3. Problems of mental development). Pedagogika. (In Russian).
3. Mironov, A. A., & Saenko, N. R. (2024). The image of the antihero in modern culture as a reaction to a society of limitless achievement. In *Modern philosophy of success: materials of the 2nd International round table, Moscow, December 16* (pp. 265–274). Moscow Polytechnic. (In Russian).
4. Elkonin, D. B. (1998). *Development of oral and written speech in students*. Intor. (In Russian). (In Russian).
5. Giueva, E. P. (2017). Ideas about success among the classics of humanistic psychology. *Gaudeamus*, 2, (1), 11–14. (In Russian).
6. Yatsino, M. (2012). *The culture of individualism*. Humanitarian Center. (In Russian).
7. Fahrlander, R. (1976). *The relationship between attitudes toward women and the motive to avoid success, student work*. University of Nebraska at Omaha. URL: <https://digitalcommons.unomaha.edu/studentwork/63> (accessed: 29.10.2023).
8. Tarasova, S. Yu. (2023). The successful person? *The Industry of Impressions. Socio-Cultural Research Technologies (EISCRT)*, (1 (2)), 45–67. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1\(2\)-45-67](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1(2)-45-67) (In Russian).
9. Sukhomlinsky, V. A. (1988). *I give my heart to children*. Rad. School. (In Russian).
10. Amonashvili, S. A. (1990). *The personal and humane basis of the pedagogical process*. Universitetskoe. (In Russian).
11. Yakimanskaya, I. S. (1996). *Personality-oriented education in a modern school*. September. (In Russian).

### *Информация об авторе / Information about the author:*

**Елена Константиновна Нетцель** — аспирант кафедры гуманитарных дисциплин Московского политехнического университета, Москва, Россия.

**Elena K. Netsel** — Postgraduate Student of the Departments of Humanities of the Moscow Polytechnic University, Moscow, Russia.

[elena2285@mail.ru](mailto:elena2285@mail.ru), <https://orcid.org/0009-0000-9566-0068>